

Денис МАКУРИН

ВОЛОГОДСКИЕ УЛОЧКИ

Рассказы

СКАРПЕЛЬ

Осенью 2001 года я работал каменщиком на улице Мальцева, 41. В пятиэтажном общежитии мы крушили перегородки и строили новые под нужды Главного управления МЧС.

Трудились нас на том объекте человек пятнадцать: каменщики, маляры-штукатуры да плотники. А приглядывала за хозяйством мастер Людмила Викторовна.

И вот в один из дней обратилась она ко мне за помощью, чтобы я в ее временной конторе на третьем этаже изловил надоедливую крысу (Людмила Викторовна даже имя успела ей дать – Скарпель). Дескать, никакого житья от нее нет: то она в кожаном плаще карман прогрызет, то телефонный провод перекусит, то принесенный с собой обед съест и оставит Людмилу Викторовну голодной. На что я пожал плечами, мол, сделаю, что смогу. И все, что я тогда придумал, – это замесить ведро цементно-песчаного раствора и залить им дыры в деревянном полу.

Но Скарпель оказалась настолько прожорливой, что прогрызла и раствор. Пока тот окончательно не схватился, она нарыла в нем свежие проходы. Видимо, там такие крысы водились, еще дореволюционные, что были способны на все.

На следующий день я снова залил все норы, вдобавок еще и обрезки арматуры напихал. Только и это не остановило нашу крысу. Она была непоколебима и проникала в контору мастерицы по любому поводу: то

Денис Владимирович Макурин – русский писатель, автор рассказов, сказок и повести для детей и взрослых. Родился 10 июня 1981 года в поселке Каменка Мезенского района Архангельской области. В пятилетнем возрасте с родителями переехал в живописное село Холмогоры. В 1999 году ушел служить в армию, где участвовал во второй чеченской войне. Публиковался в литературных журналах «Север», «Двина», «День и ночь», «Юность». Лауреат премии им. Рубцова (2019) – «За личный вклад в развитие детской литературы, пропаганду книг и чтения среди детей». Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Я. Маршака в номинации «Дебют» за книга «Поморская окутка, лоскутные сказки» (2022).

Людмила Викторовна пирожков на обед принесет, то в ее конторе бухту кабеля на сохранность в углу оставят, то пачку строительных рукавиц привезут – Скарпель уж тут как тут – все пробует на зуб!

В конце концов я решил сменить тактику и вместо каждодневного латания дыр надумал застать крысу врасплох и напугать ее до чертиков.

Для этого я надел краги сварщика, обулся в кирзовые сапоги и вооружился шваброй с ведром. Со стороны посмотреть – средневековый рыцарь, да и только.

Правда, очередную вылазку крысы пришлось довольно-таки долго ждать, стоя возле закрытой двери и прислушиваясь к тому, что происходит в конторе.

И все же нам довелось встретиться.

Когда я услышал, как Скарпель хозяйничает на столе, перебирая чертежи и прочую документацию, я распахнул дверь и прокричал:

– Ага! Попалась! Едрить-мадрить!

На что у крысы случился обморок, и она шмякнулась на пол замертво.

Не мешкая, я смел ее в ведро, распахнул окно и вытряхнул тушку на улицу.

По правде сказать, я думал, что от моего вида и внезапности у крысы случился инфаркт и она мертва. Но как только Скарпель почувствовала невесомость, она каким-то чудным образом пришла в себя, извернулась и спикировала обратно, ухватившись за слив, благо я успел захлопнуть створки, а то бы она еще и в комнату залетела.

Людмила Викторовна немного опешила, когда увидела свою подопечную живую и невредимую, но все-таки я победил, а потому ликовал, будто хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский, ведь Дульсинея Тобосская была спасена и обсыпала меня комплиментами. И лишь крыса за окном оставалась недовольной, она шипела, цокала и нервно подергивала хвостом.

Очень скоро ей надоело метаться. Почесав за ухом, Скарпель прыгнула на стоявшую рядом рябину и с ловкостью белки сбежала на землю. Оттуда, весело подскакивая и подпрыгивая задними лапками, помчалась она в сторону Управления МВД, там по тротуару шла бабулька с сумкой-тележкой за спиной, в эту самую сумку Скарпель и юркнула.

– Ой! Вы видели! Видели! – разволновалась Людмила Викторовна.

– Видели-видели! – ответил я за всех собравшихся у окна, а потом добавил: – Может, и сладят еще! Подружились ведь как-то Шапокляк и крыска Лариска.

И ЛЮБОВЬ, И СЧАСТЬЕ, И МОЛИТВА

В один субботний день решили мы с дочкой на лыжах покататься. В начале марта днем хорошо, солнышко припекает, вот мы дома и не усидели. За полчаса доехали на автобусе до проспекта Победы, вышли у торгового центра «Ленинградский», дошли до Кремлевской площади, через реку по льду перебежали, взяли лыжи в пункте проката, что на Набережной 6-й Армии, и вперед – на лыжню!

Только-только «Прибрежный» позади себя оставили и к парку Мира подкатили, дочка начала канючить:

– Пап! Ну пап! Я устала, па-па...

– Потерпи маленько! – говорю. – Видишь впереди упавшее дерево? У него привал устроим.

Дочка кое-как доползла, не снимая лыж на дерево вальнулась, но болоньевая куртка соскользнула, и ребенок стек в сугроб.

– Ну и ладно! – буркнул сугроб. – И так хорошо!

– Простудишься! – говорю. – Вставай!

– Нет! – ответил вредный сугроб и пошевелил лыжами.

– Вылазь-вылазь! – велел я, снимая рюкзак. – Сейчас отобедаем, чем бог послал.

– А конфетки послал? – выныривая из сугроба, поинтересовалась розовая шапка.

– А как же! – приободрил я. – Но сначала горячий чай и бутерброды с колбасой!

– Ладно, давай свою колбасу, – кряхтела шапка, отстегивая лыжи.

Кто-то до нас слепил возле поваленной сосны снежный стол, я поставил на нем кружки, разлил чай, развернул и уложил на газете «Городок» бутерброды, высыпал горсть конфет – половина тут же исчезла.

– Сначала чай! – еще раз продекламировал я порядок приема пищи.

– Ладно-ладно... – нехотя согласилась Юля.

И вот, пока мы отдыхали, пока уплетали наш нехитрый тормозок, я вдруг вспомнил, как однажды в августе мне было отчего-то тоскливо и я сидел совсем недалеко от этого места в парке и разговаривал с бело-снежной кувшинкой. Нимфея охотно меня слушала и, кивая, со всем соглашалась, слегка покачиваясь на волнах.

Плавающие кувшинки выглядят настолько необычно и завораживающе, что не остановиться, чтобы полюбоваться ими, просто невозможно. Вот и я не устоял, присел на берегу и пропал!

Оставшись наедине с этим удивительным цветком, кажется, начинаешь улавливать связь далекого прошлого, бесследно минувших веков с настоящим и ощущать хрупкость всего, что тебя окружает, и человеческой жизни особенно.

Проговорили мы с кувшинкой до самого вечера, и, когда солнце чуть спряталось за вершины сосен, белоснежная куколка неспешно закрылась и, будто душа, улетающая на небо, унесла мои тайны в мутные воды.

Вообще-то, ученые предполагают, что название «Вологда» может быть расшифровано как «река с чистой, ясной водой». Но река Вологда никогда не была чистой и ясной из-за ее берегов, скорее наоборот – мутной и грязной. И вот разве что эти самые кувшинки издревле придавали ей чистоты.

Неожиданно до нас долетели отголоски колокольного звона, дочка допила свой чай, выбежала на середину реки, легла на спину и, размахивая руками и ногами, стала рисовать ангела.

– Пап, смотри, какая красота! – с головы до пят запорошенная снегом кричала она.

Я подошел, выбрал незатоптанное местечко и тоже лег. Взмахнув пару раз руками и ногами, поймал себя на мысли, что Вологда, может, и не чистая и ясная, но точно богоугодная, ведь прямо сейчас в ней есть и любовь, и счастье, и молитва...

ВДОХНОВЕНИЕ

Строил я как-то на улице Бурмагиных печь в гостевом доме. Начало апреля. Снега почти не осталось, растаял. Правда, ледоход на реке еще не начался, лишь серые ледяные поля на излучине Вологды сгрудились. И вот в один из дней я раствор замесил, стою, поровнее кирпичи на лицевую сторону выбираю, перекладываю из одной стопки в другую – только брякток стоит, при всем при этом к улице прислушиваюсь, и причудилось мне, будто снаружи кто-то хозяйничает. К слову, участок-то высоким глухим забором огорожен, калитка заперта – ничего бы там быть не должно.

Отложил свое ремесло, вышел на крыльцо, осмотрелся – рядом бочка для сбора дождевой воды, а у этой бочки журавль стоит.

В тот год весна в Вологду рано пришла, уже в марте снег сошел, а в начале апреля и вовсе до пятнадцати градусов тепла доходило, разве что по ночам изредка подмораживало. Вот и прошедшей ночью слегка прихватило. Журавль в бочку смотрит и как дятел: тук! тук! – по льду. Отобьет кусок, швырнет его в сторону, и снова – тук! тук!

Я его окрикнул:

– Уважаемый Гусь Иваныч, не лягушку ли добыть пытаетесь?

А он лишь глянул на меня с надменным видом, мотнул головой и, возмущенно бормоча, опять за свое: тюк! тюк! – по льду. тюк! тюк!

Я подумал: «Ну надо ему! Может, журавлям, как и лосям, соли не хватает! А я в этой бочке постоянно то руки, то инструмент отмываю, вот он и учуял там что-то! Минералы какие-нибудь».

В тот же миг он громко вспорхнул и неуклюже плюхнулся в эту самую бочку. Не знаю, зачем журавль забрался в нее, но вид у него был счастливый. Он переминался с ноги на ногу в мутной, холодной воде, громко щелкал клювом и, кажется, улыбался.

Я тоже улыбнулся. Присел на ступеньки, посмотрел на небо и подумал, что когда-то, много лет назад, точно так же явился Николаю и Генриетте Бурмагиным такой же журавль и та самая встреча вдохновила их на то, чтобы запечатлеть родную землю – воспеть свою Вологодчину в ярких графических картинах.

ВСТРЕЧА С ПЕТРОМ I

Строили мы как-то жилой десятиэтажный дом в Заречье, частенько задерживались допоздна. И вот в один из таких вечеров возвращался я после работы пешком – автобусы уже не ходили. Прошел по улице Прокатова, перемахнул через реку по мосту 800-летия Вологды, с моста – на Пречистенскую набережную, дальше – по Советскому проспекту да мимо Дома-музея Петра I.

Летом на Вологодчине ночи пусть и не белые, но все равно светло. Беззаботные парочки гуляют. Соловьи заливаются. В такие вечера как-то по-особенному хорошо на душе, они почему-то надолго запоминаются. А со мной еще такой случай тогда приключился, и вовсе на всю жизнь в памяти запечатлел.

Я когда с Домиком Петра поравнялся, увидел самого Петра Алексеича. Он прямо на улице самовар наставлял.

Иду, про себя размышляю: «Показалось ли, нет ли? А вдруг нет! Надо бы подойти поздороваться!»

Тут же подворачиваю в сквер и сходу завожу разговор:

– Здравия желаю, Ваше Императорское Величество! Как поживаете, добра наживаете?

– Добро живем! – отряхивая руки и кафтан, гаркнул Петр. – Да ты проходи в палаты, отужинай со мной! Что мы тут в потемках-то: мык да мык!

Я не смел отказаться. По привычке разулся у дверей, прошел и сел на лавку возле массивного деревянного стола с нехитрой снедью. Из угощения и было-то: отварной картофель, зеленый лук, ломоть хлеба да баранки к чаю.

– Богу моему и народу чистою совестью и служу! – продолжал император.

– Да уж как служите, коли Архангельск город-то загубили! От бы вас за ваши усы тараканьи потаскать! – дерзнул я о наболевшем, и сам от себя того не ожидая.

– Это как я бояр за бороды, что ль?! – рассмеялся Петр.

– И бояр ваших тоже! – понесло меня.

Тут он треснул кулаком по столу – только плошки сбрыкали, зыркнул исподлобья да как рывкнул:

– Молод ты еще царя воспитывать, незрел умом! Суждения твои поверхностны и невесомы, как дым от самовара: поднялись они на воздух, аки носимы божественною некою силою, вверх к небесам, и невидимы стали! Не узрел всей картины целиком, а рядишь!

«В чем-то он все-таки прав!» – подумал я, куснул баранку и умолк.

Петр Великий посмотрел на меня и продолжил:

– Не спознать вкус меда, лишь наблюдая за пчелами! – не то оправдываясь, не то поучая. – Не научиться летать, глядучи на птиц с земли-матушки!

Потом и он замолчал, глянул на образа, перекрестился и уже шепотом:

– Только Ты умягчаешь наши сердца и сеешь в души зерна свои, умоляю, дай взойти и подняться посевам, пусть на корню сгинут сорняки!

Я не стал долго засиживаться, распрощался, обулся и пошел домой. Шагал широко и думал: «Поднялись ли в душах наших посева? Сгинули или нет сорняки?»

ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Гуляли мы как-то с племянником в центре города. Прошлись по улице Сергея Орлова, свернули на Лермонтова и вышли к Прецистенской набережной. Жара и дневной зной уже спали, а комары и мошки еще дремали в своих укрытиях, поэтому совершать променады вдоль реки было сплошным удовольствием.

Остановились у памятника Первому электрическому столбу, только-только поприветствовали чугунную собачку у его основания, как перед нами развернулась такая картина: почти на середине реки медленно-медленно проплывал небольшой кусок пенопласта, а на нем, словно капитан, восседал вороненок. Уж не знаю, сам ли он забрался, или кто-то из хулиганских побуждений его туда посадил, а только мамаша-ворона была просто в ужасе от происходящего. Она кружила над своим чадом и то и дело вопрошающе орала: «Ка-а-ак? Ка-а-ак ты там оказался?!»

Но никто – ни сам вороненок, ни зеваки, собравшиеся на пешеходном мосту, – не мог ей ответить.

Добавив драматизма, какой-то шутник затянул песенку мамонтенка:

– Пусть мама услышит, пусть мама придет,

Пусть мама меня непременно найдет...

Чем довел и без того взволнованную мамашу до обморочного состояния.

– Попробуем покормить пилигрима! – предложил я и потопал к павильону Вологодского хлебокомбината.

Племянник согласно кивнул и посеменял следом.

– Нам, пожалуйста, один батон и две слойки с творогом! – гаркнул я, чем немало испугал задремавшую было продавщицу.

– Два батона с творогом? – переспросила она, пытаясь сообразить, что от нее хотят.

Я повернулся к племяннику, оценил его взглядом и решил, что хоть он и молодой, растущий организм, но батон с творогом даже ему не одолеть.

– Нет, – сказал я испуганной девушке и повторил свой заказ: – Нам все-таки две слойки и один батон.

– В тебя же не влезет батон? – на всякий случай переспросил я у племянника.

– Не знаю! – пожал он растерянно плечами, но тут же нашелся и добавил: – В меня сок войдет...

– Нам, пожалуйста, еще коробочку сока! – дополнил я.

– Какой? – раздраженно уточнила продавец.

– Какой в тебя войдет? Говори быстрее! – тыкнул я племянника.

– Яблочный! – улыбнулся он. – Яблочный точно влезет.

Наконец, когда мы были на мосту, к вороненку успели присоседиться десятка два серых уток и красавцев селезней, что усложняло задачу по кормлению. Мало того, что небольшим кусочком батона было сложно попасть на плот, так еще и окружившие его пираты тут же все отнимали.

Правда, это было сущим пустяком по сравнению с тем, что случилось дальше: со стороны Октябрьского моста на огромной скорости мчался катер.

Утки даже не успели испугаться и разлететься в разные стороны, они лишь развернулись к берегу и, недовольно крикая, начали усерднее перебирать своими перепончатыми лапами, когда катер пролетел в считанных метрах от них.

Пенопласт же с вороненком сначала подкинуло, а потом захлестнуло и несколько раз перевернуло.

Все мы решили, что все! Птенец погиб! Но каково же было наше удивление, когда он всплыл и, хлопая крыльями по воде, направился к зазевавшейся было утке. А может, она тоже переживала за это неуклюжее чадо как за свое родное и просто дожидалась его.

Не знаю как, но вороненок догреб-таки до тетушки утки, ухватился за нее клювом и вскарабкался ей на спину. Как только он угнезвился и замер, тетушка криквя взяла курс к спасительной и заветной суше.

Не доплыв пару метров, она забралась на торчащий из воды серый валун и, кажется, задремала. Тем временем нетерпеливая мамаша расхаживала по бетонным плитам взад и вперед и недовольно покаркивала не то на утку, не то на своего вороненка, что заставляли ждать.

Слава богу, для этой маленькой семьи все закончилось благополучно, толпа с облегчением выдохнула, а все тот же шутник допел начатый прежде куплет:

– Ведь так не бывает на свете,

Чтоб были потеряны дети...

И все мы хором его подхватили:

– Ведь так не бывает на свете,

Чтоб были потеряны дети!

